

В.И. Молодин

Институт археологии и этнографии СО РАН

Новосибирск, Россия

E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Загадочные захоронения в домах поселения Хамин Манга в Северо-Восточном Китае и удивительные параллели в погребальной практике усть-таргасской культуры Западной Сибири

Памятник Хамин Манга расположен на территории Северо-Восточного Китая и относится к поздненеолитической культуре Хуншань. Объект был исследован в 2010–2012 гг. и впоследствии законсервирован. Специфика изучения памятника китайскими специалистами заключалась в работе с костным материалом без снятия его с места захоронения. Хамин Манга привлек к себе внимание обилием разнообразных нефритовых изделий, а также удивительной погребальной практикой, зафиксированной на данном объекте. Как полагают китайские коллеги, обитатели памятника бросили свои дома. При исследовании внутри конструкций было обнаружено большое количество человеческих скелетов. Свидетельство массовой гибели людей и захоронение их в домах, по мнению китайских ученых, может объясняться несколькими возможными причинами, при этом наиболее вероятной считается эпидемия чумы. Комплекс Хамин Манга нуждается в дальнейшем всестороннем изучении. Он имеет ряд параллелей в западносибирских некрополях усть-таргасской культуры, где в большом количестве представлены коллективные усыпальницы с вариативными позами умерших. В комплексе могильника Сопка-2/3 обнаружен древнейший в Обь-Иртышье предмет из зеленого нефрита – луновидная подвеска. Серия предметов из нефрита имеет место на памятнике Хамин Манга. В эпоху ранней – развитой бронзы «нефритовый путь» с востока на запад достаточно активно действовал, оставив проявления как в Прииртышье, так и в Барабинской лесостепи в захоронениях могильника Тартас-1. Предтечей этого пути могли быть более ранние мигранты, оставившие о себе реальную память в виде изделий из нефрита.

Ключевые слова: памятник Хамин Манга, усть-таргасская культура, нефритовые изделия.

V.I. Molodin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

Novosibirsk, Russia

E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Puzzling Burials inside the Houses of the Hamin Manga Settlement (Northeastern China) and Surprising Similarities in the Funeral Practices of the Ust-Tartas Culture (Western Siberia)

The Hamin Manga settlement which is located in Northeast China belongs to the Late Neolithic Hongshan culture. The site was investigated in 2010–2012 and was preserved after examination. Chinese scholars studied the site by working with osteological evidence without removing it from the burial places. The Hamin Manga site was notable for large number of jade artifacts discovered and its unique burial practices. According to Chinese scholars, the houses were abandoned by their dwellers. Large number of human skeletons was found inside the structures. Chinese scholars suggested several possible reasons for mass fatality and burial of people inside the houses. The plague epidemic is considered the most likely cause. The Hamin Manga complex requires further comprehensive study. It shows similarities with the Western Siberian necropolises of the Ust-Tartas culture, where collective tombs with the deceased in different postures were present in large numbers. A moon-shaped pendant made of green jade, which is the earliest in the Ob-Irtysh region, was discovered in the complex of the Sopka-2/3 burial ground. A number of jade artifacts were also found at the Hamin Manga site. In the Early–Advanced Bronze Age, an important jade trading route extended from east to west, leaving traces in the Irtysh region and Baraba forest-steppe in the burials at the Tartas-1 burial ground. The precursors of this trading route could be earlier migrations which left behind the tangible legacy in the form of jade artifacts.

Keywords: Hamin Manga site, Ust-Tartas culture, jade artifacts.

Памятник Хамин Манга расположен на территории Северо-Восточного Китая в районе Ляоси, в юго-восточном автономном районе Внутренняя Монголия. Благодаря археологическим исследованиям для региона была разработана периодизация древних культур, начиная с эпохи неолита. Это культуры Синлунва (6 000–5 000 гг. до н.э.), Чжаобаогу (5 000–4 500 гг. до н.э.), Хуншань (4 500–3 000 гг. до н.э.) и Сяохэнь (3 500–2 500 гг. до н.э.) [Zhou et al., 2022, p. 29].

Недавно исследованный китайскими археологами памятник Хамин Манга, относящийся к культуре Хуншань, привлек к себе внимание многих специалистов не только благодаря обилию разнообразных нефритовых изделий (см., напр.: [Тан Чун, 2021, с. 276–304]), но и удивительной погребальной практикой, зафиксированной на данном объекте. Материалы памятника датируются временем 3 500–3 000 гг. до н.э. – поздний период культуры Хуншань.

Китайские коллеги, производившие раскопки памятника в 2010–2012 гг. [Чжоу Явэй и др., 2012; Чжу Хун и др., 2014] обнаружили, как они полагают, поселение, состоящее из нескольких десятков жилищ-землянок, брошенных обитателями и заполненных большим количеством человеческих скелетов (рис. 1).

Территория памятника окружена рвами и занимает площадь 170 000 м², из которой раскопано 5 900 м². Раскопки выявили 54 жилища-землянки, 57 ям, 12 захоронений не внутри домов, а в обычных индивидуальных могилах. На месте раскопок было обнаружено ок. 1 850 артефактов из керамики, разнообразных каменных и костяных орудий, а также многочисленных изделий из нефрита. Все исследованные 54 жилых сооружения имели подпрямоугольную форму площадью от 20 до 40 м², одинаково ориентированные коридорообразные выходы на юго-восток. Ряд домов имеют следы горения. В межжилищном пространстве были обнаружены 12 могил, совершенных в грунтовых ямах. Умершие лежали на боку, с подтянутыми к груди коленями.

В восьми жилищах-землянках обнаружены скелеты людей

(жилище 32 – 13 скелетов; 37 – 22 скелета; 40 – 97 скелетов (рис. 1), 44 – 14 скелетов; 45 – 1 скелет; 46 – 22 скелета; 47 – 10 скелетов и 48 – 2 скелета). В завершении функционирования конструкций они были подожжены. Положение тел скелетов в сооружениях отличается. Одни лежат на спине, другие ничком, третьи на боку с подогнутыми в коленях ногами (вообще, ноги большинства людей согнуты). Нагромождение тел рядом с дверным проемом указывает на прекращение использования дома (даже в качестве коллективной могилы), а последующее сожжение предполагает полное оставление сооружения.

Любопытно сооружение 45, где был обнаружен единственный скелет человека, лежащий на боку, в скрученном положении, но с обилием артефактов из камня, керамики, кости, а также изделий из нефрита.

Имеют место и дома с артефактами, но без захоронений.

В настоящее время китайским коллегам удалось получить определенные биоархеологические данные,

Рис. 1. Поселение Хамин Манга. План раскопа сооружения 40 (по: [Zhou et al., 2022, p. 36, fig. 5d]).

касающиеся погребенных на памятнике людей. Специфика изучения костного материала китайскими специалистами заключалась в работе с ними без снятия костяка с места захоронения. Естественно, это существенно ограничивало возможности специалистов. Тем не менее определенная информация была все-таки получена и введена в научный оборот. Так из 181 человека, выявленных на момент изучения в жилищах, у 46 (25,4 %) удалось установить пол. Из них 19 мужчин и 27 женщин. Средний возраст людей, погребенных в домах, составил 26,8 года. Большинство выявленных умерших имели нефритовые украшения.

Свидетельства массовой гибели людей и их захоронения в домах, по мнению китайских исследователей, имели свою причину, которая может быть связана с: 1 – военным конфликтом, 2 – геологической катастрофой, 3 – ритуальным жертвоприношением, и 4 – эпидемией чумы.

Против первой версии имеет место целый ряд убедительных причин, в частности отсутствие травм на костях, отсутствие оружия, половозрастной состав, наличие разнообразного погребального инвентаря, в т.ч. нефритовых украшений.

Против второй версии свидетельствует отсутствие данных геологических источников о каких-либо катастрофах в означенном районе.

Не может быть принята и третья версия, поскольку практика ритуальных жертвоприношений (определенная половая или возрастная группа, различное местоположение умерших и т.д.), по сути, не фиксируется на памятнике.

Более всего китайские коллеги склоняются к четвертому варианту – эпидемия чумы. Умерших от эпидемии специально концентрировали в определенных конструкциях, тем самым изолируя их от окружающих, а затем поджигали (хотя поджог деревянных построек лишь отчасти коснулся лежащих в них умерших). Для подтверждения этой гипотезы, конечно, не достает данных специальных медико-биологических исследований.

В настоящее время можно согласиться с выводом китайских коллег о том, что выявленные заключительные события на памятнике произошли в достаточно кратковременный период. Заполнение брошенных домов трупами было явлением одноактным, а затем оставшееся население поселка покинуло его.

Таким образом, нашими китайскими коллегами открыт интереснейший феномен, нуждающийся как в дальнейших полевых, так и в серьезных мультидисциплинарных исследованиях в лабораторных условиях. Следует согласиться с китайскими специалистами, что в настоящее время признать какую-либо из версий, объясняющей феномен, не представляется возможным.

Изучение удивительного погребально-поселенческого комплекса Хамин Манга в Северо-Восточном Китае привлекло наше внимание благодаря ряду

неожиданных параллелей, которые имеют место в неолитическом памятнике Китая и в западносибирских некрополях усть-таргасской культуры периода начала раннего металла.

Напомню читателю, что погребальная практика усть-таргасской культуры выявлена в результате раскопок целого ряда могильников в Барабинской лесостепи [Молодин, 2001, 2005, 2022]. Обращает на себя внимание специфика погребальной практики, когда наряду с индивидуальными были популярны коллективные, ярусные захоронения (до 15 человек). Поза погребенных в могилах варьирует (на спине, на спине с подогнутыми вверх коленями, вторичные погребения, захоронения голов или черепов) (рис. 2). Такое многообразие особей в могилах я объяснял, прежде всего, тем обстоятельством, что коллективные усыпальницы заполнялись постепенно, по мере смерти кого-то из состава семейного, родового (либо какого-то иного) коллектива, когда в зимнее время помещение умершего в определенную могилу было крайне проблематичным делом и трупы «доходили» своего часа до лета, когда зачастую уже их останки, образовывающиеся в силу погодных или иных условий (поедание части тел дикими животными, например) помещались в соответствующую погребальную камеру.

Истоки подобной погребальной практики можно видеть в предшествующей усть-таргасской, атльмской поздненеолитической культуре, где коллективными были центральные погребальные камеры также с вариабельным проявлением погребальной практики [Молодин, Мыльникова, Нестерова, 2016] и наличием земляных сооружений (типа курганов) над захоронениями [Полосьмак, Чикишева, Балуева, 1989]. Последний сюжет редко, но встречается на усть-таргасских некрополях [Молодин, 2001].

Вместе с тем нельзя не отметить поразительное сходство коллективных захоронений памятника Хамин Манга и коллективных усыпальниц отдельных усть-таргасских захоронений. Не является ли такое сходство обусловленным каким-то миграционным потоком с востока на запад определенных групп населения, положивших начало «нефритовому пути», который отчетливо прослеживали как отечественные археологи (Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых [1989], И.В. Толпеко [1999] и др.), так и особенно аргументированно китайский коллега, крупнейший в мире специалист по изучению нефрита и связанными с ним проблемами, профессор Танг Чунг [2021].

О том, что данная проблема имеет место, ярко свидетельствует находка великолепной луновидной подвески, выполненной из зеленого нефрита, обнаруженная автором в одном из захоронений усть-таргасской культуры памятника Сопка-2/3 (рис. 3) [Молодин, 2001, рис. 37, 1]. Изделие размерами 12,8 × 3,8 × 0,4 см, с приближенной к луновидной формой и отверстием для подвешивания. Великолепная

Рис. 2. Могильник Сопка-2/3. План захоронений 657, 658 (по: [Молодин, 2001, с. 66, рис. II]).

обработка поверхности изделия не позволяет сомневаться в том, что перед нами предмет явно импортный.

С другой стороны, в комплексах упомянутого выше памятника Хамин Манга обнаружены великолепные изделия, выполненные из нефрита [Танг Чунг, 2021, рис. 293–297], в т.ч. имеющие зеленоватый оттенок.

Помочь нам прояснить данную ситуацию могут данные палеогенетического анализа носителей памятника Хамин Манга и усть-таргасской культуры, которые могут быть получены во вполне обозримом будущем.

Уместно отметить, что впоследствии, в эпоху ранней – развитой бронзы, когда «нефритовый путь» с востока на запад уже активно действовал, его проявления в виде находок нефритовых украшений в Прииртышье известны в могильнике

Рис. 3. Луновидная нефритовая подвеска из захоронения усть-таргасской культуры. Памятник Сопка-2/3.

Ростовка [Матющенко, Синицына, 1988], Омской стоянке и памятнике Окунево XIV [Толпеко, 1997]. Это бусины и нефритовые кольца. Недавно кольца из белого нефрита были обнаружены и в Барабинской лесостепи в захоронениях 120 и 324 эпохи бронзы могильника Тартас-1 [Тартас-1..., 2022, с. 44–45, 383]. Таким образом «нефритовый путь» медленно, но верно становится все более осозаемым явлением на просторах западносибирской лесостепи, являющимся наиболее удобной магистралью с востока на запад.

Предтечей этого пути могли быть более ранние мигранты, проторившие эту дорогу с востока на запад и оставившие о себе не только слабо сохранившуюся (а может быть уже и не сохранившуюся) память в генофонде западносибирских аборигенов, но реальные предметы из нефрита, восточное происхождение которых неоспоримо.

Список литературы

Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1988. – 136 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов неолита и раннего металла. – 127 с.

Молодин В.И. Усть-таргасская культура // История Сибири: в 4 т. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. 1: Каменный и бронзовый век. – С. 408–410.

Молодин В.И. Усть-таргасская культура // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: мат-лы XIII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2005. – С. 180–184.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Погребальные комплексы эпохи неолита Венгерово-2А (юг Западно-Сибирской равнины): результаты мультидисциплинарных исследований // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – Т. 44, № 2. – С. 30–46.

Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С. Неолитические могильники Северной Барабы. – Новосибирск: Наука, 1989. – 104 с.

Танг Чунг. Каогу луньвэнь сюаньцзы (Избранные статьи по археологии). – Гонконг: Сянган чжунвэнь дасюэ чжунго каогу ишу яньцзыю чжунсинь, 2021. – Т. 3. Археология нефрита (на кит. яз.).

Тартас-1 – перекресток культур и эпох / В.И. Молодин, Г. Парцингер, Л.Н. Мыльникова, С. Хансен, И.А. Дураков, С. Райнхольд, Н.С. Ефремова, А. Наглер, Л.С. Кобелева, Д.А. Ненахов, Ю.Н. Ненахова, М.С. Нестерова, Д.В. Селин; отв. ред. В.И. Молодин, С. Хансен. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – Т. 1. – 535 с.

Толпеко И.В. Великий нефритовый путь: миф или реальность? // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э. – Челябинск, 1999. – С. 296–298.

Толпеко И.В. Нефритовые комплексы памятника Окунево XIV // Четвертые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1997. – С. 159–163.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Азии. – М.: Наука, 1989. – 320 с.

Чжоу Явэй, Чжу Юнган, Цзи Пин. Нэймэнгу Хаминь Манха ичжи жэньгу цзяньдин баогао (Отчет об исследовании антропологических материалов памятника Манха, Хаминь, Внутренняя Монголия) // Бяньцзян каогу яньцзыю (Исследования археологии приграничных районов). – 2012. – № 12. – С. 423–430 (на кит. яз.).

Чжоу Хун, Чжоу Явэй, Чжан Цюаньчao, Цзи Пин. Хаминь Манха ичжи фанчжи нэй жэньгудэ гужэнькоусюэ яньцзыю: шицянь цзайнань чэнъиньдэ фай жэньлэйсюэ чжэнцзыю (Палеодемографическое исследование костей людей, найденных в жилище на памятнике Манха в Хаминь: свидетельства судебно-медицинской антропологии о причинах доисторической катастрофы) // Цзилинь дасюэ кэсюэ сюэбао (Вестн. общ. наук Цзилиньского ун-та). – 2014. – Т. 54, № 1. – С. 26–33 (на кит. яз.).

Zhou Y., Niu X., Ji P., Zhu Y., Zhu H., Zhang M. The Hamin Mangha Site: Mass Deaths and Abandonment of a Late Neolithic Settlement in Northeastern China // Asian Perspectives. – 2022. – Vol. 61, No. 1. – P. 28–49.

References

Chernyh E.N., Kuzminyh S.V. Drevnyaya metallurgiya Severnoj Azii. Moscow: Nauka, 1989. 320 p. (In Russ.).

Matyushchenko V.I., Sinicina G.V. Mogil'nik u derevni Rostovka vblizi Omska. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 1988. 136 p. (In Russ.).

Molodin V.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2001, vol. 1: Kul'turno-hronologicheskij analiz pogrebal'nyh kompleksov neolita i rannego metalla, 127 p. (In Russ.).

Molodin V.I. Ust'-tartasskaya kul'tura. In *History of Siberia: in 4 volumes*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. Vol. 1: Stone and Bronze Age. P. 408–410. (In Russ.).

Molodin V.I. Ust'-tartasskaya kul'tura. In *Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiya drevnih i tradicionnyh obshchestv Zapadnoj Sibiri i sopredel'nyh territorij*. Tomsk: Tomsk State Univ. Press, 2005. P. 180–184. (In Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S. The Vengerovo-2A Neolithic Cemetery, Southwestern Siberia: Results of a Multidisciplinary Study. In *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2016. Vol. 44, No. 2. P. 30–46.

Molodin V.I., Parzinger G., Mylnikova L.N., Hansen S., Durakov I.A., Reinhold S., Efremova N.S., Nagler A., Kobeleva L.S., Nenakhov D.A., Nenakhova Y.N., Nesterova M.S., Selin D.V. Tartas-1: A Crossroad of Cultures and Epochs. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2022. Vol. 1. 535 p. (In Russ.).

Polosmak N.V., Chikisheva T.A., Balueva T.S. Neoliticheskie mogil'niki Severnoj Baraby. Novosibirsk: Nauka, 1989. 104 p. (In Russ.).

Tang Chung. Kaogu lunwen xuanji. III. Yuqi kaoguxue [Selected Archaeological Papers. Vol. 3: Archaeology of Jade]. Hong Kong: Xianggang zhongwen daxue zhongguo kaogu yishi yanjiu zhongxin, 2021. (In Chin.).

Tolpeko I.V. Nefritovye kompleksy pamyatnika Okunevo XIV. In *Chetvertye istoricheskie chteniya pamyati Mihaila Petrovicha Gryaznova*. Omsk: Omsk State Univ. Press, 1997. P. 159–163. (In Russ.).

Tolpeko I.V. Velikij nefritovyj put': mif ili real'nost'? In *Kompleksnye obshchestva Central'noj Evrazii v III–I tys. do n.e.* Chelyabinsk, 1999. P. 296–298. (In Russ.).

Zhou Y., Niu X., Ji P., Zhu Y., Zhu H., Zhang M. The Hamin Mangha Site: Mass Deaths and Abandonment of a Late Neolithic Settlement in Northeastern China // *Asian Perspectives*. – 2022. – Vol. 61, No. 1. – P. 28–49.

Zhou Yawei, Zhu Y., Ji P. Neimenggu Hamin Mangha yizhi rengu jiandingbaogao [Survey report of human bones from Hamin Mangha site in Mongolia]. In *Bianjiangkaogu Yanjiu*, 2012. Vol. 12. P. 423–430. (In Chin.).

Zhu H., Zhou Y., Zhang Q., Ji P. Hamin Mangha yizhi fangzhi nei rengu de gurenkouxue yanjiu: Shiqian zainan chengyin de fayirenleixue zhengju [Palaeodemography research of human bones in the house site of Hamin Mangha site: Evidence of forensic anthropology on the cause of prehistoric disaster]. In *Jilindaxue Shehuikexue Xuebao*, 2014. Vol. 54 (1). P. 26–33. (In Chin.). doi:10.15939/j.jusse.2014.01.001

Молодин В.И. <http://orcid.org/0000-0002-3151-8457>

Дата сдачи рукописи: 25.08.2025 г.